

**О СТАНОВЛЕНИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ НОРМЫ
УГОЛОВНОГО ПРАВА, УСТАНОВЛИВАЮЩЕЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ АКТ**

М. А. Воднева

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

Поступила в редакцию 27 сентября 2017 г.

Аннотация: в настоящей статье норма уголовного права, устанавливающая ответственность за террористический акт, подвергается ретроспективному и сравнительно-правовому анализу в сопоставлении с положениями об ответственности за террористический акт отдельных государств – участников СНГ. Цель исследования заключается в разработке теоретических положений и на их основе предложений по оптимизации указанной нормы.

Ключевые слова: норма уголовного права, уголовная ответственность, террористический акт.

Abstract: the paper is aimed at elaborating of theoretical thesis and improving norm, establishing criminal liability for terrorist act. The current norm was subjected to lookback and comparative analysis in comparison with the provisions on liability for terrorist act of the states – participants of CIS.

Key words: norm of criminal law, criminal liability, terrorist act.

Комплексное исследование уголовной ответственности за террористический акт представляется верным экскурсом в историю формирования уголовно-правовой нормы о данном преступлении. Ретроспективный анализ представляет интерес в той степени, в которой позволяет установить зависимость содержания нормы уголовного права от фактических жизненных ситуаций (обстоятельств). Выявление материально-правовых оснований, определяющих потребность в установлении уголовной ответственности за террористический акт на определенном этапе развития общества, позволяет избрать оптимальные направления совершенствования уголовно-правовой нормы, которые соответствовали бы решению задач, стоящих перед отраслевым законодательством и обществом в целом, с учетом положительного опыта предыдущих периодов с поправкой на специфику современности.

Направленность норм, устанавливающих уголовную ответственность, определяется задачами отрасли. Если норма не в состоянии обеспечить решение этих задач, она утрачивает ценность. По смыслу ст. 2 УК РФ, во взаимосвязи ее с Основным законом, а также международно-правовыми актами, выступающими составной частью правовой системы Российской Федерации, человек, его права и свободы признаются высшей ценностью, а задача по их охране – приоритетной. Соот-

ветственно, оптимизация нормы уголовного права, устанавливающая ответственность за совершение преступления, предполагает включение в нее аспектов, которые наиболее полно обеспечивали бы решение названной задачи.

Уголовно-правовая норма о террористическом акте, получившая формализацию в ст. 205 УК РФ, сконструирована таким образом, что способна эффективно работать, главным образом, в интересах государства и структур (национальных и наднациональных), обладающих властными полномочиями. Так, ч. 1 ст. 205 УК РФ содержит предписание об ответственности за «совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угрозу совершения указанных действий в тех же целях»; ч. 2 и 3 ст. 205 УК РФ – за те же действия при наличии квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков¹.

Несомненными плюсами данной нормы являются: выдвижение на передний план общественной безопасности как основного объекта преступления, а жизни, здоровья, отношений собственности, нормального функционирования органов власти, международных организаций – как дополнительного; усиление возможной уголовно-правовой защиты названных объектов путем установления квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков; отсутствие требования, ранее предъявляемого законодателем к общественному и политическому статусу потерпевших и участников преступления.

Вместе с тем особенности закрепленного в данной норме состава преступления не позволяют учесть реального многообразия ситуаций совершения террористического акта, что может снизить уровень защищенности лиц, пострадавших в результате преступлений. В настоящее время субъективная сторона террористического акта характеризуется прямым умыслом и специальной целью, в качестве которой могут выступать альтернативно дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций либо воздействие на принятие ими решений. Пленумом Верховного Суда РФ обращено внимание судов на то, что названные цели являются обязательным признаком террористического акта². Соответственно, их отсутствие или неустановление исключает привлечение лица к уголовной ответственности по ст. 205 УК РФ.

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 29.07.2017). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 28.08.2017).

² О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 (в ред. от 03.11.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Следуя контексту данной нормы, можно установить, что террористический акт сопряжен с воздействием на органы власти или международные организации. Такое воздействие может выражаться либо в понуждении последних к принятию решений, необходимых лицу, совершившему террористический акт, для достижения антиобщественного результата, либо в нарушении установленного порядка их функционирования. То есть, несмотря на формальное исключение законодателем из обязательных признаков состава террористического акта политических мотивов и целей, квалификация преступления по-прежнему предполагает первоочередное обнаружение «проблемных кластеров» во взаимоотношениях между лицом, совершившим деяние, и органами, обладающими публично-властными полномочиями. Это в значительной степени обусловлено особенностями юридической политики предыдущих периодов.

Так, в Средневековье и предшествовавший ему период происходила уголовно-правовая регламентация политических (государственных) преступлений. Исчерпывающе суть политического преступления была раскрыта французским юристом Ж. Ортоланом, трактовавшим его как «деяние, которое имеет своей целью свергнуть или изменить противоправным образом устройство высших государственных властей, разрушить или ослабить одну из них, расширить или ограничить в них разных членов общества, разрушить или преобразовать какой-нибудь элемент государственной власти, или, наконец, возбудить смуты, ненависть, насильственную борьбу в обществе из-за указанных предметов»³. Ознакомление с систематизированными источниками права России XV–XVII вв. позволяет констатировать наличие достаточно четких для своего времени положений, впоследствии отнесенных советским уголовным законодательством к государственным преступлениям (связанным с посягательствами на основе государственной власти). Но законодательство рассматриваемого периода еще не содержало признаков, позволяющих дифференцировать «преступления государственные» как террористический акт в современном его понимании. Преступления против «интересов государевых» заключались в посягательствах на жизнь, здоровье и имущественное благополучие великокняжеской особы и лиц, служивших князю или зависимых от него, а также великокняжескую и феодальную собственность. Повышенная уголовная ответственность за данные преступления предусматривалась в целях обеспечения и укрепления власти великого князя, а позднее – юрисдикции централизованного феодального государства. Поэтому содержащиеся, к примеру, в Судебниках 1497, 1550 и 1589 гг. нормы вернее рассматривать как отправную точку для формирования составов преступлений против основ конституционного строя, экономической безопасности, порядка управления, наконец, отношений собственности. Но идея ответственности за террористический акт

---

³ Цит. по: *Чирикин В. А.* Международное сотрудничество правоохранительных органов России по борьбе с преступностью, 1861–1917 гг. : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 18–19.

как преступления, посягающего на общественную безопасность, получила закрепление в уголовном законе гораздо позднее.

Из текстов программ и резолюций террористических организаций в России второй половины XIX – начала XX в. усматривается, что основной целью их деятельности было не столько воздействие на органы государственной власти для принятия ими политически значимого решения, сколько стремление возбудить революционное настроение в обществе. Это, по мнению революционеров, было «единственное средство, которое способно сделать из народных волнений, манифестаций и демонстраций первую ступень к всеобщему народному восстанию»⁴. В настоящее время такая деятельность могла бы быть истолкована скорее как дестабилизация социально-политической обстановки в стране – «привлечение различных групп населения к участию в протестных акциях, в том числе несогласованных, которые впоследствии умышленно трансформируются в массовые беспорядки»⁵, чем террористический акт.

Следует отметить, что своевременное и осмысленное предложение российского правительства включить в Уголовный кодекс норму, «карающую анархизм как сообщество, вредное для безопасности социального строя, и налагающую взыскание за открытый призыв к убийству и разрушению»⁶, равно как и попытки объединить усилия с мировым сообществом в противодействии политическому террору не затронули область уголовного права и не привели к закреплению в уголовном законодательстве ответственности за террористический акт как за деяние, причиняющее вред всем членам общества, независимо от того, в какой сфере он совершается.

Как и в условиях революционной ситуации 1879–1880 гг., так и в период революций 1905 и 1917 гг. террористический акт ассоциировался в общественном сознании с разрушением нравственных установлений, одновременно выступая как средство устранения политических противников (реальных и мнимых), орудие ослабления противоборствующих сил. Особенности развития общества на данном этапе являлись власть одной партии, централизация государственного руководства, целенаправленное идеологическое воспитание населения, становление репрессивного аппарата. Здесь, как и в предшествующий период, не приходится говорить ни о сильной законодательной базе, регламентирующей борьбу с террористическими актами, ни о развитом понятийном аппарате. Объективный характер действий лиц, совершавших террористические акты, не конкретизировался, что в значительной степени предопределило в советском периоде признание «террористическими» всех поведенческих актов, которые официальная власть находила нужным отнести к таковым, и превратило деятельность карательной системы в произвол.

---

⁴ Чирикин В. А. Указ. соч. С. 27.

⁵ Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года : утв. Президентом РФ 28 ноября 2014 г. № Пр-2753. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Чирикин В. А. Указ. соч. С. 51.

Исследование уголовно-правовой нормы о террористическом акте советского периода позволяет заключить, что содержание установленных в ней субъективных и объективных признаков преступления предоставляло практически неограниченную свободу усмотрения органам политической юстиции – структурам, обеспечивающим специфические интересы власти и созданным для подавления политических противников путем применения правовых и противоправных средств⁷.

Следует отметить и то, что санкция норм, устанавливающих ответственность за политические преступления, содержала предписание о весьма суровых наказаниях (смертная казнь, а в советский период – смертная казнь с конфискацией всего имущества с допущением при смягчающих обстоятельствах понижение наказания до лишения свободы). Путем применения столь жестких мер государственного принуждения в первоочередном порядке обеспечивалось поддержание дисциплины и авторитета государственной власти, реализовывалась самозащита правящего класса и только во вторую очередь – ответственность преступника перед потерпевшим.

Принятие в 1958 г. Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик происходило на фоне переориентирования жизни советского общества на охрану и защиту прав и свобод граждан, их законных интересов. Отныне террористическим актом признавалось убийство или причинение тяжкого телесного повреждения государственному или общественному деятелю или представителю власти, совершенное в связи с его государственной или общественной деятельностью, с целью подрыва или ослабления советской власти⁸. Объектом состава террористического акта оставалась безопасность государства и интересы управления, сохранялось указание на связь цели и мотивов преступления с государственной или общественной деятельностью потерпевшего. В качестве предела наказания за совершение террористического акта уголовный закон предусматривал смертную казнь с конфискацией имущества, что по-прежнему обеспечивало повышенную охрану определенных категорий граждан – государственных и общественных деятелей, представителей органов государственной власти, представителей иностранного государства, но вряд ли объективно обуславливалось наличием или усилением реальной угрозы для безопасности общества и государства.

Неоднократные публичные насильственные акции в 60–80-е гг. XX в. были направлены уже не на устранение неудобного политического или общественного деятеля, а представляли собой внезапную вооруженную атаку на граждан, чем предопределили законодательные новшества Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. относительно рассматриваемой нормы. Наряду с «политическими терактами» были криминализованы де-

---

⁷ См., например: *Кудрявцев В. Н.* Избранные труды по социальным наукам : в 3 т. М., 2002. Т. 3.

⁸ См., например: Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. / под ред. М. Д. Шаргородского, Н. А. Беляева. Л., 1962.

яния, направленные против безопасности людей в местах их коллективного пребывания.

Уголовная ответственность за террористический акт в трактовке, наиболее приближенной к современной, была установлена ст. 213.3 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. (в ред. Федерального закона от 01.07.1994 № 10-ФЗ), получившей название «терроризм». Совершение в целях нарушения общественной безопасности либо воздействия на принятие решений органами власти взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинение значительного имущественного ущерба, а равно наступление иных тяжких последствий наказывались лишением свободы от трех до пяти лет. Высшая мера наказания устанавливалась за террористический акт, повлекший смерть человека⁹. Так, террористический акт перестал отождествляться с политическим преступлением, а объект преступного посягательства – соотноситься исключительно с областью государственных прав и интересов.

По мнению профессора А. В. Наумова, непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, в настоящее время выступает общественная (общая¹⁰) безопасность. «Общей безопасностью данная разновидность безопасности именуется потому, что это преступление может совершаться в любых сферах общественной жизни, представлять угрозу для обеспечения нормальных и безопасных условий жизни всего общества»¹¹. Но, несмотря на прогрессивные изменения, рассматриваемая норма до сих пор не способна в полной мере охватить социально-правовую реальность, уязвимую для террористических актов.

Безусловно, в первую очередь, предложения о совершенствовании уголовно-правовой нормы уместны, если они способствуют решению вопроса о привлечении к уголовной ответственности и освобождения от нее. На основании анализа изменений и дополнений, вносимых в норму о террористическом акте УК РФ, можно констатировать, что государство ориентировано на ужесточение ответственности за данное преступление. Вместе с тем, ведя речь о реконструкции нормы уголовного права, устанавливающей ответственность за террористический акт, следует также иметь в виду ее гуманистический потенциал. Так, правильное истолкование и применение уголовно-правовой нормы о террористическом акте выступает предпосылкой для перехода из возможности в действительность ряда специфических последствий, способствующих решению задачи по приоритетному обеспечению прав и законных интересов человека. К примеру, Законом РФ «О противодействии терроризму» и сопутствующим законодательством предусмотрены повышенные гарантии мини-

---

⁹ Уголовный кодекс РСФСР : утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г. (в ред. от 30.07.1996). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/438140208c123a148b119d527213dd8cc1ea29f2/ (дата обращения: 15.08.2017).

¹⁰ См., например: Новое уголовное право России. Особенная часть / под ред. Н. Ф. Кузнецовой. М., 1996. С. 224.

¹¹ Наумов А. В. Российское уголовное право : курс лекций : в 3 т. М., 2007. Т. 3 : Особенная часть (главы XI–XXI). С. 16.

мизации и ликвидации последствий террористического акта для физических и юридических лиц, которым был причинен вред в результате именно этого преступления¹².

С учетом многообразия сфер общественной жизни, подверженных действиям террористов, справедливым видится утверждение А. В. Наумова, что «законодательное определение цели террористического акта является неоправданно узким и не всегда соответствует реальным целям террористического акта», а «круг адресатов воздействия террористов требует расширения»¹³.

Абсолютно оправдано включение законодателем в состав террористического акта в качестве обязательного признака цели воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями, по смыслу которой участники преступления побуждают названных субъектов к совершению необходимых им (террористам) действий путем выдвижения определенных требований. Тем самым подчеркнута, что участники преступления воздействуют на подразделения государственного механизма, чьи функции связаны с принятием властных государственных решений, включая принятие законов, а также на созданные согласно международным актам международные организации универсального и регионального характера, дипломатические, консульские или внешнеторговые службы и международные общественные организации и их представительства в Российской Федерации (международные организации)¹⁴.

Однако диапазон требований террористов может быть достаточно широк, они могут адресоваться различным субъектам, не отнесенным к указанным в законе категориям, в том числе не имеющим властных полномочий, не осуществляющим государственных функций управления. Это могут быть любые субъекты, располагающие возможностью принять решение (либо воздержаться от его принятия), угодное террористам. Кроме того, лицами, совершившими террористический акт, его цель может не анонсироваться либо отсутствовать, при том что действия террориста содержат все признаки объективной стороны.

Анализ уголовно-правовых норм государств – участников Содружества Независимых Государств, предусматривающих ответственность за террористический акт (терроризм, акт терроризма), показывает, что их позиции по вопросу определения адресатов террористического акта отличны от той, которой придерживается российский законодатель. Так, к субъектам, на которых воздействуют участники преступления, помимо органов власти (Туркменистан, Азербайджанская Республика, Республика Беларусь, Кыргызская Республика, Республика Казахстан) и меж-

---

¹² О противодействии терроризму : федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (в ред. от 06.07.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ Наумов А. В. Указ. соч. С. 30.

¹⁴ Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации : комментарий, судебная практика, статистика / под общ. ред. В. М. Лебедева ; отв. ред. А. В. Галяхова. М., 2009. С. 480.

дународных организаций (Кыргызская Республика, Республика Казахстан) отнесены должностные лица (Республика Армения), государство, юридические или физические (Республика Молдова).

Российскими учеными мнение о необходимости расширения круга адресатов, на принятие решения которыми террористы могут воздействовать, высказывалось неоднократно с приведением сильной аргументации. Следует лишь поддержать предложения об отнесении к таковым физических лиц, государств (Российскую Федерацию или иностранное государство), организаций (как российских, так и иностранных) и их представителей, юридических лиц, представителей общественных организаций, должностных лиц¹⁵.

Поводом для дискуссии является цель дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций. Как уже было отмечено, воздействие террористического акта не может ограничиваться негативными последствиями лишь для органов власти и международных организаций. В. Е. Петрищев справедливо отметил, что «субъекты террористической деятельности могут иметь целью воздействие на людей, никакого отношения к органам власти не имеющих (социальные слои и группы; категории граждан, выделенные по национальной, расовой, политической, имущественной, профессиональной или иной принадлежности; наконец, все население)»¹⁶. Норма, содержащая в качестве обязательной цели террористического акта дестабилизацию деятельности исключительно органов власти или международных организаций, способна охватить лишь крайне незначительную область действительности, где существует опасность незащищенности прав и свобод человека, иных государственных и общественных органов и институтов, а также политической, социальной, экономической обстановки в стране в целом.

В уголовном законе Республики Беларусь содержится несколько иная формулировка рассматриваемой цели – «дестабилизация общественного порядка», представляющаяся более совершенной. Явление дестабилизации заключается в выведении из устойчивого состояния (приведении в неустойчивое состояние)¹⁷. В научных источниках общественный порядок в широком смысле трактуется как совокупность всех социальных связей и отношений, складывающихся в результате соблюдения всеми гражданами правовых, моральных, религиозных, политических, корпоративных, семей-

---

¹⁵ Цит. по: *Дерюгина Ю. Н.* Терроризм : уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 151.

¹⁶ *Петрищев В. Е.* Российское законодательство : профилактика терроризма // Современный терроризм : состояние и перспективы : сб. статей / отв. ред. Е. И. Степанов. М., 2000. С. 204.

¹⁷ См., например: *Жорник А. М., Новикова А. Е.* Дефинирование правозащитных рисков дестабилизации конституционного строя в Российской Федерации // *Studia Humanitatis* : сетевое издание. Политология. 2016. № 3. URL: <http://st-hum.ru/en/node/439> (дата обращения: 07.08.2017) .

ных и иных норм, а также обычаев и традиций¹⁸. Следовательно, дестабилизацию общественного порядка необходимо понимать как деятельность по приведению в неустойчивое состояние общественных отношений, складывающихся в результате соблюдения гражданами всех социальных норм, влекущую нарушение прав и свобод человека, общественных интересов, нормального функционирования всех государственных и общественных органов и институтов, а также создающую угрозу наступления таких последствий. Введение данной цели позволит наиболее полно учесть социально опасные ситуации, возникающие вследствие совершения террористического акта. Очевидно, что цель дестабилизации общественного порядка шире цели дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций и поглощает последнюю. Круг адресатов определяется тем, какая область общественных отношений была затронута. Следовательно, к ним могут быть отнесены все физические и юридические лица, реализующие свои функции в области хозяйственных, социальных, бытовых интересов, а также общественные, религиозные организации.

Следует также отметить, что не все террористические акты, совершенные за последние два десятилетия, обнаруживают явные политический, идеологический, экономический, социальный конфликты. В подтверждение сказанного можно упомянуть взрывы на Черкизовском рынке в Москве 21 августа 2006 г., «Невского экспресса» 27 ноября 2009 г., на станциях метро «Лубянка» и «Парк культуры» 29 марта 2010 г., в Санкт-Петербурге на перегоне между станциями «Сенная площадь» и «Технологический институт» 3 апреля 2017 г., в результате которых погибли и получили ранения десятки человек, при этом ни одна из целей, указанных в ст. 205 УК РФ, террористами не анонсировалась. Впоследствии данные преступления были квалифицированы как теракты. Фактически правоприменителем устрашение населения было воспринято как единственное объяснение совершенного и особая цель, присутствующая в сознании террориста независимо от антиобщественного результата, к которому он стремился. Поэтому для установления истинных масштабов преступлений, влекущих ответственность по ст. 205 УК РФ, представляется целесообразным рассмотреть возможность восстановления в качестве конструктивного признака субъективной стороны террористического акта цели устрашения населения, упраздненной законодателем. Вряд ли можно разделить мнение отдельных ученых о том, что «устрашение населения ... всего лишь средство достижения конечной цели террористов, а именно: оказать воздействие на принятие решения органами власти...»¹⁹. Как отмечает Ю. Н. Дерюгина, и с ней следует со-

¹⁸ См., например: *Бояр В. М., Шамрай В. Н.* Теоретико-правовое обеспечение общественного порядка и общественной безопасности в современных условиях // *Бизнес в законе*. М., 2012. № 3. С. 161–164 ; *Коротких А. Г.* О сути и значении понятий «общественный порядок» и «общественная безопасность» // *Вестник Воронеж. ин-та МВД России*. Воронеж, 2011. № 3. С. 37–42.

¹⁹ См.: *Уголовное преследование терроризма* / В. А. Бурковская [и др.]. М., 2008. С. 11.

гласиться, «иногда желаемым результатом является именно устрашение населения, отдельных социальных групп, создание паники, обстановки неуверенности, незащищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства. Возможно, что в конечном счете виновные и хотят повлиять каким-либо образом на решения органов власти, но эта цель в данной ситуации не охватывается их умыслом, является более отдаленной...»²⁰.

На основании проведенного анализа положений, имеющих отношение к ответственности за террористический акт, можно сформулировать следующие выводы.

Исторически сложившееся восприятие террористического акта как преступления политического (государственного, а в революционный и советский периоды – контрреволюционного) закономерно привело к его отождествлению с насильственным, бескомпромиссным воздействием на органы власти, что не отражает реального многообразия ситуаций совершения данного преступления в настоящее время. Сегодня террористический акт может рассматриваться в качестве социально-психологического фактора подрыва как государственной власти, так и национальной безопасности, однако в условиях первоочередной охраны прав, свобод и законных интересов личности функционирование органов власти (национальных и наднациональных) выступает объектом внимания в той мере, в которой это необходимо для обеспечения безопасности, благосостояния и комфорта людей.

«Традиционное» понимание террористического акта определило особенности закрепленного в норме состава преступления, которые не в полной мере соответствуют современной социально-правовой модели развития российского общества и потребностям действительности. Включение в диспозицию нормы лишь целей дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений способствует восприятию террористического акта, в первую очередь, как акции лиц, нелояльных к деятельности органов, обладающих властными полномочиями, существующим приемам и методам внутренней и внешней политики.

В диспозиции ст. 205 УК РФ субъективную сторону преступления следовало бы сконструировать таким образом, чтобы учесть те случаи, когда отсутствует открытое предъявление требований участниками теракта, либо если никто из них не взял на себя ответственность за теракт, либо если участники преступления гибнут, либо при отсутствии или неустановлении факта воздействия на органы государственной власти, органы местного самоуправления или международные организации.

Таким образом, для правильного применения уголовно-правовой нормы о террористическом акте следовало бы признаки субъективной стороны преступления дополнить целью устрашения населения, исключив данный компонент из объективных признаков, характеризующих

---

²⁰ Дерюгина Ю. Н. Указ. соч. С. 153.

действия террориста, а также отказаться от цели дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций, заменив ее целью дестабилизации общественного порядка, что закономерно повлечет расширение круга адресатов террористических актов.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Воднева М. А., аспирант кафедры уголовного права и криминалистики

E-mail: mari.vodneva@yandex.ru

Тел.: 8-985-415-77-90

National Research University Higher School of Economics

Vodneva M. A., Post-graduate Student of the Criminal Law and Criminalistics Department

E-mail: mari.vodneva@yandex.ru

Tel.: 8-985-415-77-90